

Милан Узелац

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕРБИИ: университеты под соусом "болоньез"

Если обратиться к философам или культурологам с вопросом: что характеризует образование и в какой мере оно реализует свою функцию по сохранению культурных и духовных ценностей определенного народа и тем самым соответствует его истинным потребностям, большинство упомянутых специалистов обратятся к понятию *пайдейя*, которая и ныне является выражением высшего идеала универсального и всестороннего образования личности в полном согласии с духом народа. Совершенно очевидно, что этот идеал не утратил своего значения и в Новое время, ярким примером чему служит реформа образования, которая была предпринята А. фон Гумбольтом и Г.В.Ф. Гегелем в первые десятилетия 19 века в Германии и которая до сего времени является основой университетского образования в Германии и в определенной степени в России. В конце XX – начале XXI века, под натиском идей глобализации и слияния национальных культур в единую европейскую культуру, проблема образования личности в Европе ставится в новые условия, в которых главное место занимает транснациональный компонент, вытесняя на второй план особенности национальных европейских систем образования.

Речь идет о процессах, начавших развиваться в европейском культурном пространстве в результате принятия положений Сорбонской и, главным образом, Болонской декларации, которую 19 июня 1999 года подписали, министры из 29 европейских стран, ответственные за высшее образование, придя к соглашению по поводу общих задач для создания согласованного единого общеевропейского пространства высшего образования к 2010 году.

Для Сербии июнь 1999 года, во многих смыслах ставший одним из самых трагических периодов в истории страны, одновременно стал поворотным моментом, за которым последовала драматическая смена общественно-политической парадигмы в Сербии, вызвавшая развитие стремительных центробежных тенденций во всех сферах общественной и частной жизни.

В этой ситуации при упразднении всех прежних ориентиров и отсутствии каких бы то ни было новых "дорожных знаков", появились откуда ни возьмись наши "спасители", знающие ответы на все вопросы и обладающие всеми решениями; "спасаемым" же осталось только принять их "миссию" и последовать за ними. При этом никому (ни им, ни нам) не должно быть важно, что мы не знаем ни кто они, ни откуда пришли, ни куда направляются, ни почему им так необходимо нас спасти, ни от кого они нас спасают (правда, иногда у наших "спасателей" вылетает признание, что спасают они нас от нас же самих). Если в твоём доме появляется кто-то и предлагает помощь, нужно непременно спросить себя: зачем он это делает. Почему нам кто-то должен помогать? Тем более что помощь - и это очевидно - идет со стороны тех, кто еще вчера сбрасывал на Сербию кассетные бомбы, убивая невинных женщин, детей и стариков и цинично называя эти жертвы "косвенным ущербом".

И вот, предводимые только своими особыми интересами, возникнув ниоткуда, те, кто в нормальное время не был бы способен продавать семечки на вокзальной площади, ничтоже сумняшеся в полный голос говорят во имя общего, во имя высшего добра, во имя нашего блага, непрестанно повторяя: *Демократия! Европа! Болонская декларация!* Эти восклицания для них – своеобразный знак идентификации, пароль, от которого у нас, "ведомых", в жилах просто кровь стынет.

Когда-то, в прошлой жизни, всем было известно, что такое демократия, мы знали, что такое Европа и где она находилась и что где-то там, в Европе, жил своей жизнью городок Болонья, в котором некоторое время, в средние века, существовал один весьма престижный университет (и не более того). Однако все наши прошлые знания оказались ни к чему не годными, поскольку с их помощью уже невозможно постичь новый

загадочный язык наших *спасателей* или *спасителей*, сотканный из казалось бы понятных слов *демократия*, *Европа* или *Болонья*, но которые перестали обозначать привычные понятия. Судя по событиям, которые развиваются в Сербии, и их результатам, речь идет вовсе не о демократии, а о некоей *новой* демократии; в то же время мы видим, что все время говорится не о Европе, о которой мы знаем, а о некоей *новой* Европе, наконец, имеется в виду не Болонский университет, а некая "бумага", подписанная между обедом и ужином (когда среднестатистические обыватели или пребывают во сне, или еще не совсем пробудились от него) некими европейскими представителями. Старые слова получили (а мы этого словно и не заметили) новые значения, хотя наши "спасители" с пеной у рта кричат во имя старых, проверенных временем ценностей, лукаво скрывая прямую фальсификацию старых добрых духовных "привычек", родившихся в забытом уже духе просветительства

Нас по уши завалили планами, проектами, решениями, "льготами для переходного периода" так, что мы не успеваем ухватиться хоть за что-нибудь и осмыслить самих себя в свете нашего нового "наивысшего предназначения". Веками мы воспитывались в рамках определенных систем ценностей, но на смену векам пришли десятилетия разрушения этих ценностей различными "постмодернистскими" стратегиями. Может быть, это и хорошо, может, именно так и должно быть. Но если эта ситуация соответствует *их* "представлениям о...", то почему нужно думать, что она подходит и *нам*? И невозможно не задаться вопросом: сохранились ли еще вообще те наивысшие ценности, которые испокон веков составляли основу нашего духовного бытия, или они уже заменены (без нашего ведома) некими *новыми* ценностями, которые мы не распознаем в качестве ценностей, некоей *новой* традицией, которая намного короче длины цифровых обозначений донаций, получаемых в качестве награды нашими домашними "спасителями" со всего света.

Слово "демократия" стало сегодня ведущим понятием времени, знаком идентификации тех, кто считает себя ответственными за функционирование современных тоталитарных обществ. Неоспоримо, что мы после своей предыдущей жизни в диктаторских системах, которые отличались узнаваемостью разрешенных координат перемещения, в последние годы вступили в некую абсолютно новую область, о существовании которой, правда, уже давно ходили слухи: мы вступили в пространство тоталитарного глобального общества, которое, если использовать известные античные понятия, можно описать как абсолютную тиранию олигархии, что в современном общественно-политическом тезаурусе сокращенно, но крайне грациозно называется "демократия".

Именно эта ситуация выразительно подтверждает наш долг и наше право, оформленное некогда Мартином Хайдеггером, снова и снова в изменившихся обстоятельствах подвергать осмыслению любое понятие. Вероятно, не случайно, что Хайдеггер высказал эту мысль на семинаре о Гераклите (1966), который он проводил вместе с Ойгеном Финком. Мудрый житель Эфеса глубоко понял сущность любого "демократического" правления, и неудивительно, что для последующих поколений он стал "мрачным", "темным". Именно Гераклит был первым мыслителем, давшим практический ответ на вопрос, что может предпринять индивид, который оказался в челюстях "демократии": покинуть общество демократов и под защитой высшего и божественного в храме Артемиды играть с детьми.

Что нам делать сегодня? Существует ли земля обетованная, где мы могли бы укрыться, когда все святые места поруганы или находятся под контролем демократов? Демократия шествует победно, кнутом или пряником устанавливается / насаждается повсеместно (в Сербии ли, в Ираке ли ...). Возможно ли что бы то ни было сказать о демократии, и при этом избежать трансформации критики демократии в ее апологию, которая с величайшим мастерством осуществляется "демократическими институтами"?

Основная масса людей, живущих в нынешнем "демократическом" режиме, как в былые времена диктатуры, существует в своем изолированном малом мире, с той лишь

разницей, что теперь у радио и телевизора появился опасный конкурент – компьютер. Может быть, они стали коллективными диссидентами? Но диссидентство – удел немногих, если не единиц, коллективного диссидентства не бывает: если все стали диссидентами, значит, диссидентом не стал никто.

Аристотель, чье отношение к античной демократии было крайне критическим, знал одно: *в обществе, которым правит весь народ, не может быть философии, поскольку не существует возможность диалога, а значит, не выполняется условие, согласно которому общество должно основываться на истине, а не на словах* (Pol., 1280b). Если в обществе не существует возможности мыслить по-другому, в нем нет ни Другого, ни Другости: весьма транспарентно (любимейшее слово сербских демократов) своим примером это доказал Сократ.

Жизнь во "внутренней эмиграции" довела до крайних границ невозможность коммуникации. И хотя вольные или невольные общественные "изгои" пытаются что-то сказать, настоящий обмен мнениями исключается. Лишь "уполномоченным" изгоев позволено бормотать избитые истины, и эти, строгим образом контролируемые примитивные разговоры провозглашаются наивысшим выражением свободы и демократии, и в них обезличенные граждане демократического общества, сидя перед малыми экранами, должны найти свое, единственно возможную точку зрения. Любая другая общественная, гражданская позиция, по дефиниции, не является демократической и не имеет права на существование. Возможна только демократия. По известному из недавнего прошлого принципу: не умеешь – научим, не хочешь – заставим.

Существует только один императив, императив над императивами – борьба за демократию. Но в этой борьбе за демократию все одиночные участники должны быть демократами, а все партии – только демократическими. Их атрибут – исходит из априорного решения. Реальное положение вещей при этом не имеет никакого решающего значения, отношение к нему абсолютно произвольно – любая действительность может быть подвергнута симуляции и в каждый новый момент снова сформирована, с тем чтобы оставаться всегда новой, иной, никому неизвестной, а потому не подверженной критике.

Тот, кто о демократах и демократии думает иначе, является врагом – фашистом, шовинистом, националистом, в лучшем случае (?) патриотом. Все ярлыки взяты из прежних времен, но с еще более ярко выраженным упором на негативный знак (что само по себе абсурдно: как можно быть фашистом в большей или меньшей степени?).

Никогда реально не осуществленную идею диктатуры пролетариата в современном обществе воплощает абсолютная диктатура демократии – общая, универсальная и реально тоталитарная. Между старым и новым типом власти нет и не может быть никакой разницы, поскольку их сила и опора – это именно *власть*. Власть, желание власти – космический феномен, и тем самым – фундаментальный феномен человеческого существования. "Демократизация" мира, возможно, ничего бы существенно не изменила, если бы не одно обстоятельство, одно безграничное усовершенствование: техника правления

Лозунг текущего дня в Сербии – "Путь в Европу". Но при этом мало кто спрашивает: какова эта Европа, каковы ее границы и каков смысл ее существования?

В своей знаменитой Венской лекции "**Кризис европейского гуманизма и психология**", прочитанной 7 и 10 мая 1935 года, Эдмунд Гуссерль определил, что *под названием Европа понимается единство духовной жизни, деятельности и созидания со всеми целями, интересами, заботами и усилиями, социальными образованиями, институтами, организациями*. И далее – продолжил: *в духовном смысле Европе со всей очевидностью принадлежат английские доминионы, Соединенные Штаты и т.д., но не эскимосы, или индийские факиры из ярмарочных балаганов, или цыгане, беспрестанно кочующие по Европе*.

По мысли Э. Гуссерля, Родиной духовности Европы была античная Греция VII – VI вв. до н. э., когда рождалось совершенное новое отношение личности к окружающему

миру и возникали духовные образования абсолютно нового вида, т.е. совершенно определенная Культура, для описания которой греки использовали выражение *философия*. Именно философия стала прафеноменом духовной Европы, определив новый особый образ жизни, который через любовь к идее, продуцирует идеалы и идеальные нормы жизни. Европейский мир был рожден был рожден из духа разума.

. Из свободного разума на основе представления о единой универсальной философии европейская личность получала возможность этически формировать не только самое себя, но и человеческий мир, политику, социальную экзистенцию.

Но будучи убежденным "*европейцем*" (в истинном смысле этого слова), Э. Гуссерль находился в традициях критического универсального отношения к целому, которое подразумевает всеобщее продумывание эмпирии, ее "проверку" идеальными нормами и создает дух свободной критики, создающей новые бесконечные идеалы. Именно поэтому в упомянутой лекции философ высказал убийственной наблюдение: европейские нации больны; Европа пребывает в кризисе, который выражается к очевидном поражении рационализма. Гуссерль считал, что кризис европейской экзистенции имеет два возможных пути разрешения: *гибель Европы в процессе отчуждения от собственного рационального смысла жизни, распада в нетерпеливости к духовности и падения в варварство или возрождение Европы из духа философии через героизм духа, который, наконец, сможет преодолеть натурализм*. Но при этом мыслитель высказал предостережение: на обоих этих путях Европу подстерегает огромная опасность – духовная усталость.

Какой путь выбрала Европа в XX веке? Смогла ли она возродиться и возвысится или усталой походкой двинулась "под горку"? К сожалению, история не оставила нам возможности выбрать позитивный ответ. Вторая мировая война и бомбардировки Сербии в конце XX века лишили Европу последнего шанса на положительный исход. Кризис Европы и европейского духа не преодолен, он продолжается: он только замаскирован. Сегодня идея *ratio* подвергается массивным атакам со стороны постмодернистов, но при этом утверждается, что европейская духовность не претерпела перемен, оставаясь все той же, какой была в начале XX века. Никто из апологетов постмодернизма не хочет открыть истину, которая заключается в том, что сейчас под угрозой находится идея ответственности. Тот, кому дозволено все, возвысился над ответственностью. За преступления, совершаемые в целом мире, демократы с армейскими мускулами, не могут предстать перед судом: ведь их усилия были направлены на защиту демократии. Так, любая полемика с логикой силы завершается в просветительском морализаторстве.

Кто из современных апологетов "европеизма" в Сербии говорит о европейском кризисе? Никто. Перед ними поставлены другие задачи: создать образ "земли обетованной", по которой текут молочные реки, а с небес сыпется манна и где добрая старушка Европа с распростертыми объятьями ждет заблудших сербов. Однако основная проблема наших "европеистов" состоит в том, что далеко не всем из них удалось совместить участие в борьбе за демократию и получение добротного образования, а потому многие из них никогда не читали Вольтера. Вот и не понимают они, что места обетованные, может быть, и существуют, но они ни созданы, ни предусмотрены для нас.

Напротив, любой "спаситель" вам скажет, что вхождение в Европу во много раз увеличит наши возможности перемещения по Европе (для большинства сербов это "преимущество" – пустой звук, поскольку многие из них не имеют средств для покупки хлеба), но никто не объяснит вам, для чего вам вообще нужно перемещаться по Европе и что вы будете делать там, куда вы приедете. Перспективы поездок в Европу, которые должны символизировать собой новую демократию и свободу, призваны создавать атмосферу эйфории, как после приема легких наркотиков, но, к сожалению, не заменяют их, поскольку последние, благодаря все той же *новой* демократии, становятся в Сербии все дешевле и доступнее (гораздо дешевле билетов в любой конец Европы): наркотики всегда

*exit*¹, но не в мир ценностей европейской культуры, а в совсем другой – мир передозировки.

Если принять во внимание Европу как географическое понятие, то "путь в Европу" представляется полной бессмыслицей: с географической точки зрения Сербия всегда была в Европе. Но наше новое демократическое общество со дня своего основания (2000 год) живет, мучимое проблемой: а в Европе ли Сербия? В Греции или Польше, в Венгрии или Румынии никому не придет в голову задумываться над вопросом: находится ли его страна в Европе. Почему же этот вопрос, это сомнение возникает в Сербии? Очевидно, речь идет совсем не о географии, а о чем-то другом: нам упорно внедряется в сознание ощущение некоего различия, мысль о существовании некоего мира, которому мы не принадлежим, но в который нам обязательно нужно попасть, чтобы не остаться существами второго сорта.

Сторонники "срочного переселения", описывая "европейские" преимущества, выделяют власть закона, демократию, экономическое благосостояние и справедливость. В этой картине, разумеется, нет места дешевым наркотикам, дешевым продуктам питания на основе генетически модифицированного сырья, однополым бракам, строжайшему визовому режиму, который введен для граждан Сербии.

Наши "европеисты" не понимают (или делают вид, что не понимают), что европейская экономика имеет свои стандарты, выстроенные на основе ей отвечающих критериев, которые существуют ради ее, а не каких-то иных интересов. Европейский рынок – это дилижанс, где "свободных мест нет", да даже если бы они и были, – что может предложить Европе Сербия после 10 лет экономических санкций и 77 дней бомбардировки, находясь в тисках бесконечно длящейся "транзиции" в никуда?.. Экологически чистую малину? Возможно. Но на условиях, которые нам продиктует добрая старушка Европа, и совсем не обязательно, что эти условия будут для нас приемлемы. У нас есть одна возможность, и Европа совершенно справедливо ожидает, что мы ее примем: Сербия должна стать рынком, на котором реализуются товарные излишки, на который вывозится устаревший и второразрядный товар, нередко с критическим сроком реализации, рынком, который должен именно так спасти усталую европейскую промышленно-экономическую систему, неизбежно сползающую в период кризиса и рецессии. Что же при этом случится с экономикой Сербии, которая не может быть конкурентоспособной даже откровенному *sekond hand*-у, справедливую Европу не интересует ни в малой степени.

Вхождение в любое общество, в любой другой мир подразумевает и принятие социально-культурных правил и форм поведения, принятых в том обществе. Совершенно ясно, что вхождение в Европу предполагает принятие (хотя бы частично) европейских систем ценностей и изменение своей собственной. Однако в этой связи возникает справедливый вопрос: а способна ли Европа поступиться (хотя бы частично) своими ценностями во имя принятия (хотя бы частично) наших? Есть ли у этой Европы интерес к нам? Ответ может быть только один: нет.

В то же время мы высоко ценим культурные достижения Европы: мы знаем итальянское и испанское, голландское и немецкое, английское и французское искусство; но у нас есть законное право ожидать, что в Европе оценят произведения нашего

---

¹ "EXIT" – название музыкального рок (?) - фестиваля, который после "победы демократии" в Сербии каждый год в начале лета проводится в Новом Саде. Вероятно, принимая молодых сербов за инфантильные и отсталые элементы, организаторы фестиваля приглашают для выступлений давно полысевших и потерявших голос звезд 70-х годов прошлого века, вроде Игги Поппа, которого, правда, до сих пор любит Премьер-министр Сербии В. Коштуница. Однако "просветительская" деятельность организаторов, подпитываемая спонсорами всех мастей, развивается и в другом направлении: от марихуаны через экстази молодые фанаты "рока" быстро добираются до "небесных сфер" героина и кокаина, преодолевают собственную "отсталость" и достигают уровня передовой европейской Голландии.

искусства и положительно ответят на наш призыв к культурному диалогу: шедевры монастыря Грачаница ни в чем не уступают красоте Сиены или Равенны.

Однако Европа не только не проявляет интереса, она спокойно смотрит, даже молчаливо поддерживает уничтожение нашего культурного наследия. Почему? Может быть, потому, что не способна зафиксировать эти ценности в своем сознании, или потому, что не хочет их фиксировать. Нам должно быть раз и навсегда ясно: культура и искусство православной Европы не имеет для протестантско-католической Европы никакого значения, и это не какой-то злой умысел: видится не то, что видимо объективно, а то, что мы можем видеть, в силу наших природных или приобретенных возможностей. Протестантско-католическая Европа не обучена нас видеть.

Не нужно быть специалистом в области истории искусств, достаточно открыть любую историю западного искусства, чтобы увидеть, что в большинстве из них искусство православной части Европы даже не упоминается, не то что детально анализируется. Взять, к примеру, книгу известного и славного историка искусств Э.Х. Гомбриха, о котором сербская печать писала как об одном из самых значительных художественных критиков XX столетия, под названием "Искусство и его история". На тысячи страниц текста нет ни одного абзаца, посвященного культуре православной Европы. Как оценить этот труд? – Как культурный скандал, как геноцид, как преступление перед иной культурой! Древние греки прекрасно понимали, почему за развращение молодежи и создание ложной картины мира полагалась смертная казнь. Преступление в сфере духовного бытия любого народа (которое может иметь облик и безобидных реформ) гораздо страшнее любого преступления, ставящего под угрозу физическое существование. Но литература, подобная упомянутому труду Гомбриха, формирует европейское сознание о нас. Этот процесс длится не день, не год, не десятилетие: он создавался в течение целой истории и его нельзя изменить в одночасье единым росчерком пера. У кого в мире вызывает интерес сербская литература или сербское искусство? Является ли Сербия с ее монастырями и храмами, фресками и иконами Меккой для европейских специалистов по средневековой культуре? Увы. На мировой карте культуры мы стали белым пятном, и в этой ситуации едва ли нас может утешить мысль, что целая Европа на протяжении раннего средневековья была для философии, процветавшей в Афинах, Константинополе и Дамаске, таким же белым пятном.

Чтобы кто-то мог быть унижен, необходимо, чтобы он согласился с унижением как способом своего существования; только в этом случае возможна капитуляция одной культуры под натиском другой, претендующей на исключительность. Есть ли у Сербии ответ на давление европейского культурного империализма, на агрессивное проникновение протестантско-католических ценностей, которые захватывают умы и души с помощью коррумпированных средств массовой информации?

На наших глазах развивается охватывающее все сферы жизни государства и общества действие: под лозунгом "вхождения в Европу" совершается перекраивание всего общества – его сознания и институтов. Особую тревогу в этом процессе вызывает тот факт, что никто в обществе и государстве не обладает ясными представлениями о последствиях начатых реформ и о том, куда приведут нас эти общественно-государственные перемены, источник которых находится в "неизвестных" нам центрах мировой мощи (их существование – секрет Полишинеля: они есть, и они защищают свои и только свои интересы; не случайно, что Америка может иметь в Косово свои стратегические интересы, а Сербия – не может!). В этой связи мы не можем закрывать глаза на тревожно низкий интеллектуальный и духовный уровень тех, кто "ответственно" проводит реформы среднего и высшего образования и всей духовной сферы сербского народа с позиций неких "открытых", "свободных" или "альтернативных" университетов.

Речь идет о некоем особом виде демократии, невероятно сложном (до такой степени, что его пропагандисты для того, чтобы иметь ответы на все вопросы в целях формирования у "паствы" окончательного убеждения и веры в то, во что самих пропагандистов "убедили" стипендии и гранты, должны и сами обучаться на

специальных курсах в прилично недемократических условиях (по крайней мере, плюрализм мнений на таких курсах не предусмотрен)). Дорога к легкой жизни нелегка, так же как и путь до однозначного неоднозначен, - вот почему "вожаков" надо готовить особым образом в специальных школах, на семинарах, кружках, где отобранные молодые зомби изучают демократию, толеранцию, социализацию полов и проходят начальную подготовку по обструктивной ненасильственной борьбе. Эта "образовательная система" очень быстро получает облик общественного института. Недовольные отсутствием демократических свобод сыновья и дочери бывших генералов и партийных бонз из коммунистической верхушки, примкнувшие к ним вечно голодные, но жаждущие хлеба и зрелищ вечные студенты и другие разночинные поборники новых "идей" стремительным строевым шагом вошли в структуры неправительственных организаций, которые разрастаются быстрее облученных грибов, при этом настойчиво требуя создания питательной среды для своего существования². Чем же занимаются неправительственные организации в Сербии? Почему они так необходимы *новой* демократии? И кто утверждает, что они необходимы (кроме функционеров этих самых организаций: их позиция совершенно ясна - деньги надо отрабатывать)? Функция неправительственных организаций в государстве вполне открыта: чем меньше какое-то правительство способно управлять и организовывать, тем в большей мере оно вынуждено передавать/ делегировать свои обязанности тем, кто находится вне этого правительства и при этом осуществляет волю других (чужих) правительств. Таким образом в общество начинают агрессивно проникать идеи *новой* демократии, переполненной ложно понимаемой толеранцией, плюрализмом, тождественным релятивизму, размыванию веками устоявшейся системы ценностей, конфликтами интересов, бесконечной безответственностью.

Все это могло бы быть немного грустным, могло бы показаться легким недоразумением, "отрыжкой" переходного периода, если бы не гротескность самой ситуации; никто не может ответить на вопрос: кто дал право так называемым "молодым" "демократам" и "реформаторам" что бы то ни было реформировать и днями и ночами, используя все средства массовой информации, внедрять в наше сознание мысль, что именно они являются единственной альтернативой (!?) и именно они приведут нас в рай (они-то сами уже давно пребывают в Эльдorado). Этот феномен "самопризыва", "добровольной пожертвованности" горстки людей с крайне узким горизонтом видения - нечто совершенно новое, свойственное новейшей истории и неизвестное ранним эпохам. Даже и в том случае, когда становится очевидной их полная неспособность к позитивной решениям или даже криминальный характер их деятельности, из рядов "реформаторов" раздаются голоса: мы жертвуем всем, в том числе и собственной репутацией, из-за вас, мы не уйдем никуда, пока вы существуете!

Преувеличенная "забота" о высшем образовании, которую в последнее время демонстрируют некоторые представители государства, призывая к реформе университетов, и поддерживающие их в этом самые горластые и убедительно самые неспособные представители университетской среды с минорными научными

---

² В июне 2002 года Госдепартамент США прекратил финансирование неправительственных организаций Сербии, считая, по всей видимости, что задачи, поставленные перед ними, успешно выполнены. Однако Правительство Сербии, возглавляемое в тот момент З. Джинджичем, в полной мере взяло на себя дальнейшее финансирование неправительственных организаций, совершенно справедливо видя в них своих основных идеологических сторонников и защитников; в то же время из государственного бюджета была исключена позиция по финансированию Сербской Академии Наук и Искусств (САНУ), основанной в 40-х годах XIX века. К этому же периоду относится "терминологический казус" новой демократии: Министерство науки и образования Сербии запретило использование в официальных документах термина "сербский язык" для обозначения родного языка сербов, введя вместо него выражение "язык коммуникации", при этом родные языки национальных меньшинств, проживающих на территории Сербии, сохранили свои прежние названия.

биографиями и хорошо отмытым партийным прошлым, невольно вызывает в памяти мысль, высказанную одним из самых выдающихся немецких философов, Карлом Ясперсом в работе "**Die Idee der Universität**" (1947): *государство, не способное вынести правду вследствие того, что держится на преступных принципах и преступной действительности и вследствие этого вынужденное поддерживать их тайно, не может и желать правды. Оно - противник университетов, но в то же время скрывает это таким образом, что под видом прогрессивного реформирования постепенно уничтожает их*³.

Сегодня всюду говорится о какой-то "трансформации" университета, но эта идея должна вызвать у нас глубокое беспокойство. Если сформулировать ее более точно, речь идет об осмысленном и системном уничтожении университета, ставится под вопрос его основные идеи, на которых он существует со времен своего возникновения в XII веке. К несчастью, все эти попытки перемен совершаются в то время, когда в мире созрело сознание того, что идея планетарной культуры может быть реализована в форме усредненных знаний, доступных при посредстве Интернета, закодированных в системе одного языка-посредника, в качестве которого "выбран" (кем и когда?) английский язык. Английский язык – один среди многих и равный среди равных, он является языком культуры наряду с любым другим языком мира. Непродуманная глобализация английского языка не может считаться разумным проявлением культурной политики. Но вот уже несколько десятилетий государствам "переходного периода", и в частности Сербии, английский язык преподносится как единственная возможность "войти в сообщество народов" (словно вся Европа думает, говорит и пишет исключительно на английском языке); только с этой позиции можно понять, почему "реформу" образования в Сербии проводят, люди, стыдящиеся своего родного языка, и наводнившие "реформаторские" тексты (на языке их коммуникации) выражениями типа *департаменты, курикулы, инкубаторы*, очевидно, не зная сербских эквивалентов или, напротив, понимая, что их идеи, выраженные на сербском языке, были бы просто бессмысленны.

Последние несколько лет в Сербии только и разговоров о так называемой Болонской декларации. Внезапно ее самыми громкоголосыми защитниками стали те люди, о которых никто никогда не слышал, но которые в силу стечения обстоятельств (главным образом "партийно-политического" характера) оказались на местах, к которым в обычное (не "переходное") время они не могли бы даже приблизиться. Но возникает вполне справедливый вопрос: а читал ли вообще кто-нибудь из сторонников упомянутой Декларации ее текст? И почему каким-то странным образом замалчиваются действия университетов в Кембридже, Оксфорде, Сорбонне, Фрайбурге, Кельне или Болонье по вопросам реформы образования в свете Декларации?

Каждому должно быть ясно одно: Болонская декларация, подписанная министрами европейских государств, а не учеными и представителями университетов, т.е. представителями политической, а не духовной и интеллектуальной элиты Европы, носит исключительно социально-политический и экономический характер. Ее суть, связанная с процессом создания открытого образовательного пространства в Европе, сводится к четырем очевидным положениям:

1. введение двух уровней высшего образования, например, "бакалавр" и "магистр", которые, согласно идее Декларации, не являются академическими, т.е. научными степенями.
2. накопительная система начисления зачетных баллов ("кредитных пунктов"), так называемая European Credit Transfer System (ECTS).
3. университетский диплом любой страны-участницы Болонского процесса должен к 2010 году признаваться во всех других странах, подписавших декларацию.
4. свободная миграция трудовых ресурсов, равенство прав граждан разных стран при приеме на работу.

---

³ Цит. по: Jaspers, K.: *Ideja univerziteta*, Plato, Beograd 2003, str. 153

В этой связи необходимо поставить основной вопрос: что подразумевается составителями Болонской декларации под понятием *университет*? Распространяются ли положения Болонской декларации на деятельность *университета*, как образовательного института, имеющего многовековую культурную традицию, или для ее применения университет должен изменить свою сущность? Совсем кратко можно ответить: нет. Болонская декларация принималась не ради уничтожения самой идеи университета, "возраст" которой равен возрасту университета в Болонье, и не для фундаментальной перестройки ее структуры. Болонская декларация принята с целью развития высшего образования, получаемого в высших учебных заведениях Европы, и его унификации для того, чтобы образованные "новые пролетарии" быстрее и проще могли отыскивать или менять рабочие места.

Само выражение университет на первых порах означало центр образования, ассоциацию, цех или, говоря современным языком, профессиональный союз, который защищает интересы определенной категории людей. Болонья и Париж были двумя моделями, по примеру которых создавались другие университеты. Болонья представляла собой *universitas scholarum*, т.е. студенческое содружество, получившее от Фридриха I Барбароссы особые привилегии. Париж стал *universitas magistrorum ut scholarum* - ассоциацией, которая объединяла и наставников, и студентов. Важно отметить, что средневековые европейские университеты воспитывали духовную аристократию, при этом социальное происхождение студента не имело решающего значения: *"духовная аристократия не является аристократией социальной. Каждый, кто был рожден для изучения наук, должен был найти путь к образованию. Эта аристократия – независимая от собственного происхождения – встречается и у наследного дворянина, и у ремесленника, у богатых и у бедных, но везде крайне редко. Она может быть только меньшинством."*⁴

Что же касается самого образования, которое является трехуровневым еще со времен античности, исходя из Аристотелевского разделения знания на поэтическое, практическое и теоретическое, необходимо иметь в виду, что и сегодня существует градация образования после завершения средней школы: существует университет и наряду с ним разнообразные высшие учебные заведения, готовящие специалистов для определенной сферы деятельности. И если для специального высшего учебного заведения вполне оправдано приглашение в качестве преподавателей специалистов-практиков и тяготение студентов к реализации знаний в прикладной деятельности, то для университета характерно сочетание в практике преподавателя и педагогической, и научной деятельности, а для студента – желание проявить себя на теоретическом поприще. Вот почему перед университетом стоит более высокая цель, более ответственная и более тяжелая.

В Сербии уже долгое время прослеживается глубоко ошибочная тенденция объединять под кровом университета все высшие учебные заведения как его составные части. Это следствие непонимания самой природы университета. Все это обязывает нас выработать точное понимание того, что такое университет. Университет – это место, где даются фундаментальные знания в области точных, естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, в которых жизненно заинтересовано государство, поскольку именно здесь формируются наиболее образованные кадры, составляющие его стратегический духовный и научный потенциал.

Никто, кто бы получил диплом о высшем образовании третьего разряда университета, не мог бы стать президентом США; подразумевается, что для того, чтобы занять подобную должность, надо иметь документ об окончании одного из самых престижных университетов, подобно Йелю, Гарварду или Итону. И это неписаное правило политического эстеблишмента. Подобные "правила" действуют и в Японии, поэтому становится ясной причина увеличивающегося числа самоубийств среди молодых людей после провала на вступительных экзаменах в университеты. Результат

---

⁴ Jaspers, K. *Ideja univerziteta*, Plato, Beograd 2003, str. 150

приемных экзаменов в японские университеты в огромной мере определяет всю дальнейшую жизнь молодых людей. Не существует немотивированного перехода на более высокий социальный уровень. Только лишь там, где возможно все, все неважно, и качество диплома, под которым понимается качество знаний также неважно. В нормальном мире еще как важно, не только где, но и у кого учился или писал диссертацию некий гражданин с высшим образованием.

Университет – это престижная школа, куда может поступить и где может учиться далеко не каждый. Такова ситуация в нормальных странах. Там университет заканчивают те, кто в него поступил, и не потому, что поступили, а потому, что они способны были его закончить. Разумеется, что желание учиться в высшей школе есть у многих, по каким причинам оно возникает – это другой вопрос, и не всегда оно совпадает с волевыми и интеллектуальными возможностями человека, разумеется, что и цели обучения у разных студентов разные: кому-то нужен диплом как некий документ, а кому-то, кроме документа, нужны еще и знания. Вот почему необходимы учебные заведения различных уровней – аккредитованные государственные и частные специализированные школы, колледжи, народные университеты, которые предоставляли бы возможность учиться и получать знания достаточно высокого уровня, подтвержденные соответствующим дипломом. Количество таких учебных заведений должно определяться сиюминутными, тактическими, интересами и потребностями общества.

Но в системе образования университет должен занимать совсем особое место – поскольку там готовится духовная элита общества. Речь идет именно о духовной элите, а не о финансовой. Вот почему на страже интересов университета должно стоять государство и общество и их стратегические интересы, связанные с сохранением духовного, политического и экономического места страны в мировом культурно-историческом процессе. Разумеется, университет может быть частным, однако для того, чтобы частный университет стал *alma mater* духовной элиты общества, должны пройти не годы и десятилетия, а века, ибо университет становится университетом не столько от количества вложенных в него денег, сколько от вложенных в него духовных сил, творческого огня, которые и формируют его духовную традицию. Опыт Сербии показывает, что частные высшие учебные заведения, даже если они и называются университетами, функционируют по принципу "деньги" – "товар": плата за обучение гарантирует получение проходных оценок в течение всего срока обучения и выдачу диплома. Капитализм есть капитализм. Но, к сожалению, в этих отношениях не осталось места принципу "прайсверт".

Однако в Сербии Болонская декларация была понята официальными реформаторами высшей школы совершенно ошибочно и некритично. Она стала в их руках "руководством к действию", практически ломом, призванным окончательно сломать систему высшего образования в Сербии.

Традиции реформирования образования в Сербии никогда не были "добрыми". Еще в середине семидесятых годов XX века под руководством специалиста в области социологии села С. Шувара была предпринята попытка реформирования старой "буржуазной" системы образования в Югославии, основой которой было разделение на реальное и классическое образование. Результатом реформы было формальное уничтожение гимназического образования, а по существу – был уничтожен гуманистический дух образования. Два года назад на образование в Сербии обрушилась новая напасть: безальтернативный "финский проект" реформирования учебных заведений, готовящих школьных учителей. Насколько мне известно, исторически центрами развития педагогических систем в Европе были Германия и Франция. Честь и хвала Финляндии, но наука и образование в Сербии имеют более длительную историю, чем самостоятельное финское государство...

Время идет вперед, и система образования, сколь консервативной ни была бы эта общественная сфера, требует реформирования. Это ясно всей трезвомыслящей научной интеллигенции. К сожалению, эта трезвомыслящая группа весьма немногочисленна.

Среди одиноких голосов, ратующих за настоящие реформы образования, назовем голос профессора Данилы Басты, который, остро чувствуя потребности сегодняшнего дня, перевел выдающуюся работу Карла Ясперса, о которой уже шла речь выше, "*Идея университета*", написанную в далеком, казалось бы, 1947 году. В послесловии к переводу Д. Баста пишет: "За перевод "*Идеи университета*" Ясперса я взялся преднамеренно, исходя из глубочайшей необходимости. Я имел в виду все то, что как раз происходит с объявленной реформой высшего образования и университетов в нашей стране. А то, что происходит, совсем не ободряет. Если судить по тем сведениям, которые против воли тех, кто готовит законодательные решения о высшем образовании (...), недавно стали достоянием университетской и более широкой общественности, существуют серьезные причины для крайней обеспокоенности и волнения. (...) Должно / необходимо открыто сказать: наши университеты в сильной степени больны – до той меры, что под угрозой находится само их существование. Их реформа – безотлагательный императив"⁵.

Почему высшее образование в Сербии находится в тяжелом состоянии? Главная, острая и самая болезненная проблема всей системы образования, и высшего образования в частности, заключается в отсутствии государственной стратегии образования и документов (пусть декларативных), которые давали бы представление о роли образования в обществе, целях, задача, путях развития образования.

Прямым следствием отсутствия государственной политики в области образования является финансирование сферы образования по остаточному принципу, обесценивание (в прямом смысле) труда в сфере образования и создание ситуации, когда учителя и преподаватели и в школах, и в университетах оказываются на грани существования. Все помнят насмешки и издевательские оценки бывшего министра образования Г. Кнежевича в адрес учителей, объявивших забастовку и в отчаянии требовавших повышения заработной платы на 8 (!) процентов. Столь же невеселая картина наблюдается и в университетах: финансовое положение преподавателей одного уровня неоправданно неравноправно и зависит, главным образом, от того, на каком факультете работает преподаватель. Это привело к тому, что для того, чтобы прокормить семью, преподаватель университета должен работать на нескольких факультетах, которые подчас находятся в разных концах страны. О каком качестве преподавания может идти речь, если преподаватель половину жизни проводит в поездах и автобусах, а не в библиотеке? Другой стороной этой же проблемы стала ситуация, справедливо вызвавшая шквал нареканий и обвинений со стороны общественности и связанная с продажей преподавателями собственных учебников (подчас покупка учебника была едва ли не решающим условием сдачи студентом экзамена). Все это приводит к тому, что часть преподавателей университета живет на зарплату, а другая – на "совокупные доходы" (где зарплата составляет 10-20%).

Вследствие неопределенности основных отношений в университетах положение преподавателя в профессиональном смысле постоянно остается неясным: Министерство образования едва ли не каждый учебный год меняет критерии, по которым определяется рейтинг преподавателя и тем самым возможности его карьерного роста (в одном случае учитываются научные монографии, в другом – учебники, приоритетным считается то участие в отечественных научных конференциях, то в международных, иногда в "зачет" идут полноценные статьи, иногда – тезисы...).

Особого разговора заслуживает непродуманная система участия преподавателей университетов в научных проектах Министерства науки, чья деятельность, особенно в части научных проектов в общественных и гуманитарных сферах граничит со скандалом. Неоднократно уже раздавались "голоса", высказывающие "просвещенные" мнения, по которым занятие научной деятельностью не должно входить в круг обязанностей преподавателя университета. За ним должна закрепиться роль "рассказчика" или "чтеца" университетских учебников, написанных профессорами

---

⁵Jaspers, K. *Ideja univerziteta*, Plato, Beograd 2003. str. 181-182.

западных университетов. Или: чего, например, стоит решение Министерства науки, согласно которому все научные проекты должны получать оценку независимых экспертов из Евросоюза! В 2003 году научный проект исторического факультета университета в Новом Саде, среди разработчиков которого были 3 академика САНУ и который был посвящен исследованию Первого сербского восстания (1804 -1812), не был принят Министерством, поскольку независимые эксперты из Болоньи оценили его как "националистический", "шовинистический" и "противоречащий европейскому гуманистическому духу". Нужны ли здесь комментарии... Если наша наука не может получить эпохальных результатов в астрономии, поскольку Сербия располагает только одним телескопом, который она получила в 1918 году после Первой мировой войны от Австрии в качестве компенсации за ущерб, это не должно ставить под вопрос возможность исследовательской работы в других научных сферах.

Вопросы планирования подготовки кадров с высшим образованием на протяжении многих лет остаются слабым местом. Знает ли сегодня кто-нибудь в Сербии, для чего и зачем готовятся специалисты с университетскими дипломами? Ответ чиновников от образования прост: потребность в специалистах определяет рынок труда. Но как в этом случае можно объяснить, почему на юридический факультет университета в Новом Саде несколько последних лет подряд на первый курс принимали 800 и более студентов? Что означает эта цифра? Потребность стагнирующей Сербии в дипломированных юристах? Отсроченное решение проблемы безработицы среди молодежи? Циничную возможность повысить преподавателям факультета заработную плату за счет того, что половина студентов принята на платной основе?

Стоит, наконец, сказать и об организации учебного процесса в высших учебных заведениях. Нельзя больше закрывать глаза на неоправдывающую себя систему контроля знаний с бессмысленным количеством промежуточных экзаменационных сроков во время учебных семестров, с возможностью перехода на старший курс без сдачи экзаменов по 2-3 дисциплинам, изучавшимся на предыдущем курсе. Накапливающиеся "перенесенные" экзамены, в конце концов, "блокируют" обучение, и студенты вынуждены терять год или два, чтобы расчистить академические задолженности, а это в свою очередь, приводит к катастрофической продолжительности обучения на факультетах университетов (до 10 лет, например, на медицинском).

Однако обоснованная тревога за современное состояние высшего образования в Сербии не должна ставить целью скоропалительное решение проблем, накапливавшихся годами. Но в Сербии реформами образования занимаются "горячие" головы. В августе 2005 года был принят очередной "Закон о высшем образовании", который абсолютно осознанно во имя демократии и приведения системы высшего образования Сербии в соответствие с европейской системой, ведет высшее образование к полнейшей деградации.

Для наших реформаторов "болонскому" процессу альтернативы нет. Никому из них не пришло в голову изучить процессы реформ, вызванные формированием единого европейского образовательного пространства, в ведущих европейских странах и задаться вопросами, волнующими европейское образование.

Уже сейчас понятно, что поставленная в Болоньи цель - создать единое образовательное пространство до 2010 года, не может быть решена. Известно, что страны-инициаторы подписания Декларации, какими бы активными участниками процесса европейской интеграции в области образования они ни являлись, с большой осторожностью подходят к реформированию своих систем высшего образования, всеми силами стремясь сохранить свои национальные образовательные традиции. Так, например, в Германии в Закон об образовании были внесены лишь поправки, которые закрепили минимум необходимых требований для реализации Болонской декларации, придав им статус дополняющих национальную образовательную систему. Тем самым вузам Германии было предоставлено право выбора подготовки студентов как по классическому, так и по болонскому варианту подготовки бакалавров и магистров. Что

же касается сроков введения унификации европейских дипломов, то в Германии они не определены даже предварительно. Для Италии, помимо сохранения национальных традиций в образовании, важнейшим вопросом является разработка мер, благодаря которым дипломированные выпускники не спешили бы воспользоваться болонским правом на "свободную миграцию" и остались бы на родине. Нам крайне важно понять, что европейские страны, понимая необходимость обучения специалистов по болонской системе, никогда не откажутся от подготовки национальной элиты для "внутреннего пользования" в своих престижных университетах на основе своих национальных моделей образования, поскольку решение этой задачи обеспечивает сферу стратегических интересов этих стран и их национальную безопасность.

Однако ни один из подобных вопросов, похоже, не заботит сербских "болонистов". Самое важное для них – чтобы студент "накопил" 180 кредитов и отправился в белый свет искать счастья. Реализация Закона приведет только к одному. Развитые европейские страны, ощущая потребность в дешевой рабочей силе, "готовят" рабочие места для квалифицированных специалистов – выходцев, главным образом, из стран "переходного периода", жаждущих вырваться из жизненных тягот, способных, а главное, готовых выполнять работу на условиях, неприемлемых для их западных коллег. В Министерстве образования предполагают, очевидно, что дипломированному специалисту в Сербии делать будет нечего – никто больше не заботится на деле о создании новых рабочих мест и поддержке "среднего класса", по той простой причине, что "средний класс" в Сербии больше не существует. Наша система высшего образования не была на первом месте в Европе, но не была и на последнем, и его всегда отличало качество (особенно когда речь шла о технических и естественнонаучных факультетах университетов). Поэтому студент из Сербии еще некоторое время сможет получать качественное образование в силу инерции системы, а затем "заботами" родного Министерства получит "редуцированный" диплом об образовании, который закроет для него в Европе все пути для профессионального роста и возможности занять достойное место в "демократическом европейском обществе".

Что же касается подготовки национальной элиты, то такая цель реформаторами образования и не ставится.

Усилиями "реформаторов" университет перестает быть и быть центром науки, да и вообще – наука и ее развитие, по мнению сегодняшних руководителей Сербии, слишком обременительная ноша для скромного бюджета страны "переходного периода".

***

Трагедия нашего времени состоит в проникновении дилетантизма во все сферы жизни. Наши реформаторы, подобно злополучному сапожнику, решили стать пирожниками. Но, как говорят французы, только очень искусный повар может приготовить настоящий соус. Реформа высшего образования, проводимая в Сербии, состряпана из псевдодемократии, желания сбежать в Европу и поверхностно прочитанной Болонской декларации. Этот соус "болоньез" горчит и пахнет преступной безответственностью.

И в этой связи остается только перефразировать слова апостола Павла из Послания к Колоссянам (2.8): "Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас демократией, болонизацией и пустым обольщением"...

(Перев. Т.А. Горелова)